

И. АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ФРАЗЕОЛОГИИ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ

ВТОРИЧНАЯ НОМИНАЦИЯ И ДИСКУРС¹

Н. Ф. Алефиренко, Белгородский государственный университет, г. Белгород

В связи с неоднозначным понимаем понятия «дискурс» обратимся к тем его свойствам, которые непосредственно связаны с процессами вторичной номинации. В нашем понимании *дискурс* – это речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и др. факторами, что, собственно, и делает его «привлекательным» и многообещающим для лингвокультурологического осмысления стимулов вторичного знакообразования.

Дискурс в таком его понимании обретает свои специфические черты: а) как коммуникативное событие — это сплав языковой формы, знаний и коммуникативно-прагматической ситуации; б) образуя собой своеобразное ценностно-смысловое единство, дискурс предстает как лингвокультурное образование; в) в отличие от речевых актов и текста в его традиционном толковании (последовательной цепочки высказываний), дискурс следует рассматривать как социальную деятельность, в рамках которой ведущую роль играют когнитивные образования, фокусирующие в себе различные аспекты внутреннего мира языковой личности; г) как «речь, погруженная в жизнь», или «текст, взятый в событийном аспекте» (Н.Д. Арутюнова), преломляя и интерпретируя поступающую в языковое сознание информацию становится своеобразным смыслогенерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий).

Смыслогенерирующая и миропорождающая способность дискурса обуславливаются тем, что его «погружение в жизнь» осуществляется главным образом в процессе лингвокреативного осмысления событийного содержания. Это приводит к тому, что знаки вторичной номинации нередко до неузнаваемости отдалены по своей семантике от содержания,

¹ Работа выполнена в рамках реализации проекта № 2460 по аналитической ведомственной целевой программе «Развитие научного потенциала высшей школы (2009– 2011 годы)».

породившего их события. А в результате экзегетики событийного содержания дискурса и моделирования виртуального мира один и тот же дискурс способен порождать разные языковые знаки. Слова и выражения *клюковка* – ‘очень пьяный человек’, *клюкнуть* – ‘выпить’, *наклюкаться* – ‘напиться’, *натянулся (напился, пьян)* как *клюковка* – ‘об очень пьяном, напившемся человеке’ своим возникновением обязаны коммуникативно-прагматической ситуации, в которой извне (со стороны) дается негативная оценка человеку, чрезмерно увлекающемуся алкогольными напитками. Типичными и весьма частыми являются коммуникативно-прагматические ситуации, когда в общении необходимо выразить отношение к людям, имеющим яркое внешнее сходство: *как две капли <воды>, на одно лицо, на один покррой, на одну колодку*. Коммуникативно-прагматические ситуации, в которых определяется не внешнее подобие, а сходство черт характера, качеств и свойств человека породили другие идиомы: *одним миром мазаны, одного поля ягода, <испечен (-а, -ы) (сделан (-а, -ы)) из одного <и того же> теста, два сапога пара, ваш брат, наш брат, свой брат, ваша сестра, наша сестра* и др. Ср. укр.: *з одного тіста (книш); птиця (пташка) одного (нашого, їхнього) польоту; одного роду, одного плоду; одного поля ягода; одним миром мазані; одним ликом шиті; обоє рябос; два чоботи – пара, пара чобіт на одну ногу*.

Таким образом, дискурс является одновременно формообразующим и смыслогенерирующим источником вторичного семиозиса. В его недрах происходит не только когнитивно-синергетическое обработка событийной, социокультурной, коммуникативно-прагматической и языковой информации, но и ее трансмутация при погружении в особый виртуальный мир для семиотической репрезентации ментальной структуры одного из возможных миров (в понимании Л. Витгенштейна, П. Сгалла, Ю.С. Степанова). Именно в результате таких лингвокреативных преобразований смысловых конститuentов дискурса для образования знаков вторичной номинации и порождается национально-языковое видение картины мира. Это становится возможным потому, что человек (субъект дискурсивной деятельности) в процессе лингвокреативного мышления сам «погружается» в особое ментальное пространство, переносится в им же картируемый виртуальный мир, существующий вне реального хронотопа (не в линейном, а в пространственном времени). В связи с этим следует отметить весьма существенный во вторичном семиозисе момент: роль интенциональности в смысловой аранжировке дискурса. Интенциональность незримыми нитями увязывает языковую и речевую семантику единиц-конститuentов дискурса, то есть координирует языковые значения слов и словоформ с намерениями и коммуникативными целями общающихся. В результате такого взаимодействия возникает необходимая для вторичного семиозиса энергетика, под воздействием которой возникающий знак вторичной номинации становится одним из средств кодирования и выражения социально значимого речевого смысла,

интерпретированного и «переплавленного» в когнитивно-дискурсивном «котле».

Названные дискурсивные стимулы появления в языке знаков косвенно-производной номинации – важнейший, но не единственный фактор вторичного семиозиса. В органическом единстве с ним в порождении знаков вторичного именованя принимают участие когнитивные стимулы.

Классифицирующая деятельность когниции (познания) состоит из двух взаимосвязанных процессов – концептуализации и категоризации. Сущность первого — в выделении минимальных единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении, а второго – в объединении этих единиц на основе их тождества или сходства в некоторые классы и разряды.

Для дискурсивно-когнитивного исследования проблемы вторичного лингвосемиозиса важны оба процесса. Концептуализация служит когнитивной основой семиозиса, как фактор порождения и преобразования смыслов (концептов). Более того, познание мира — это процесс порождения и преобразования концептов с последующей их вербализацией. Важнейшим этапом в языковой объективизации концептов следует рассматривать номинацию познаваемых объектов, их свойств и признаков. Поскольку же познание беспредельно, то концептуализация познаваемого мира приводит к образованию все новых концептов, а значит, и к необходимости их знакообозначения. Ср.: *черные береты* – ‘бойцы ОМОНа’, *красные береты* – ‘спецназ’, *голубые береты* – ‘солдаты ООН’, *красная шапочка* – ‘солдат внутренних войск’.

Язык по своей природе обладает категоризирующим свойством, поскольку, как известно, любое слово обобщает. Выделяя в означаемом главное, наиболее существенное человек придает слову обобщающее значение, а это значит, что, именуя, слово классифицирует, относит предмет номинации к определенной категории. С другой стороны, само соотнесение именуемого с той или иной категорией, составляющие которой уже поименованы, служит когнитивным стимулом знакообозначения вновь познаваемого. Так, техническое изобретение середины XX века для передвижения по поверхности Луны, естественно, было соотносено с категорией «средства передвижения», получив именование по аналогии с уже названными предметами, входящими в состав данной категории: *луноход* ← *вездеход*, *атомоход*, *теплоход*, *пароход*; ср.: *прилуниться* ← *приземлиться*, *прилунение* ← *приземление*, *космодром* ← *аэродром*, *ракетодром*, *мотодром*, *ипподром*.

Классифицируя предметы с целью более совершенной категоризации окружающего мира, лингвокреативное мышление, как видим, оперирует уже упорядоченными определенным образом лингвистическими и экстралингвистическими знаниями: первые содержат сведения о системе языка и правилах использования языковых единиц, а вторые – сведения о

внеязыковой действительности. Знания такого рода как совокупность результатов отражения является содержанием и способом существования сознания, а сознание — это итоговое соотнесение знаний с действительностью, одного знания с другим. Соотнесение неязыковых знаний с реалиями формирует когнитивное сознание в форме мыслительных категорий, а соотнесение языковых знаний с действительностью формирует сознание языковое в форме языковых категорий. В связи с этим в лингвокреативном анализе объектов культуры возникают две проблемы: 1) какими принципами руководствуется человек, когда подводит вновь познаваемый предмет под ту или иную категорию и 2) каковы механизмы языковой репрезентации когнитивных структур.

Правомерность дискурсивно-когнитивного подхода к исследованию знаков вторичной номинации предопределена эквивалентностью понятий «дискурс» и «когниция».

Отнесенность дискурса к внеязыковым реалиям осуществляется в рамках когнитивной функции языка (В.З. Демьянков), под которой, вслед за К. Зикфридом, следует понимать общее название для совокупности процессов и способностей, связанных с познанием (процессом и результатом), таким, как внимание, восприятие, усвоение, сохранение и воспоминание знания, а также формирование понятий и мышление. Когнитивный аспект предлагаемого подхода фиксирует внимание на знаках непрямого номинации как средстве вторичной и косвенно-производственной организации, обработки (интерпретации) и передачи культурной информации, как хранилище знаний о действительности, как особо (непрямо) структурированном каталоге когнитивных образований, используемых для усвоения новых знаний и хранения ранее приобретенной информации. Когнитивная функция знаков вторичной номинации реализуется их амбивалентной функцией: 1) хранить и интерпретировать ранее полученные впечатления, зафиксированные средствами первичного знакообозначения (впечатления о непосредственной предметно-практической деятельности), и 2) кодировать результаты опосредованной когниции, продукты лингвосемиотического мышления в дискурсивной деятельности. При этом целесообразно исходить из того, что когнитивной функцией обладают не только целостные дискурсивные построения, но и вычленимые из них фрагменты, на базе которых порождаются знаки вторичной (непрямо-производной) и косвенно-производной номинации.

Яркими представителями образных знаков первой группы выступают метафора и метонимия типа есенинских метафор: *хочет колокольчик, рыдают ветры, поют холмы, плачет флейта, тоскуют брошенные пашни, злится дедушка-мороз* и др. или таких достаточно употребительных метонимий, как: *во всем чувствуется кисть Айвазовского; несомненно: это перо Пушкина; приятно работать с этой аудиторией*, где *кисть* — ‘живописные произведения’, *перо* — ‘поэтический

стиль', *аудитория* – 'группа людей, находящаяся в учебной комнате'. При метафоризации смысловые нити между производящим и производным не прерваны, внутренняя форма знаков вторичной номинации налицо.

Не менее типическими представителями знаков косвенно-производной номинации являются фразеологизмы: *дразнить гусей* – 'вызывать раздражение, злость у кого-либо'; *до гробовой доски* – 'до самой смерти, до конца жизни'; *всеми фибрами души* – 'очень сильно, страстно (ненавидеть, презирать и т. п.)'; *дело табак* – 'чье-либо положение, состояние очень плохи'.

В отличие от метафор и метонимий, где значение знака формируется путем переноса дифференциальных смысловых признаков с одного объекта на другой по их сходству или смежности, семантика знаков косвенно-производной номинации — результат опосредованной когнитивной деятельности, продукт лингвокреативного мышления ассоциативно-образного типа. Причем степень отвлеченности такого (лингвокреативного) мышления от первичного предметно-практического опыта в разных знаках косвенно-производной номинации различается эвристическим диапазоном собственно языковой когниции. Так, в формировании значения первого фразеологизма принимали участие и первичное значение глагола *дразнить* — «злить, умышленно раздражаться чем-либо» и связанным с ним ассоциативно-образным значением, фиксирующим фоновые знания: гуси при малейшем беспокойстве или приближении к ним сильно нервничают, бурно реагируя на раздражающий их объект. Подобным образом ведут себя и люди, если их умышленно выводят из равновесия. Однако доминирующая роль здесь принадлежит прямономинативному значению одного из лексических компонентов.

Значительно больше места занимает воображение в языковой когниции, результаты которой представлены вторым фразеологизмом, где прямые значения слов-компонентов выступают лишь фоном, на котором разворачивается ассоциативно образное мышление: *гроб, гробовая доска* — последний предмет в мире человека, *гробовой* – 'относящийся к гробу, до могилы, смерти' (В.И. Даль); предлог *до* с род. падежом, показывающий какой-либо предел. Все словосочетание употреблялось с предикатами *любить, быть преданным*. Ср.:

Тут непременно вы найдете

Два сердца, факел и цветки;

Тут верно клятвы вы прочтете

В любви *до гробовой доски* (А.С. Пушкин).

Особенно важную смыслообразующую роль играет дискурсивное мышление, в результате которого сформировалось значение ФЕ. Действительно, ни вещественные свойства денотата, ни слово, его обозначающее (*табак*) не могли отразиться на его коммуникативно-прагматическом статусе. Значение ФЕ отражает когда-то реальную речеповеденческую ситуацию: бурлакам на Волге часто приходилось

вброд пересекать реки, впадающие в Волгу, по которой они тащили баржу. Чтобы не замочить табак, огниво и трут, их подвязывали к подбородку. Когда вода подходила к горлу, бурлаки говорили: *Под табак или Дело табак*, то есть дело плохо, положение хуже некуда. Ср. в укр.: *діло табак, діло тютюном пахне: А коли почув він (куркуль), що йде лінія на колективізацію і діло його, виходить, табак, так його дуже грусть ударила* (О. Корнійчук).

Лингвокреативный потенциал речеповеденческой ситуации в значительной мере зависит от значимости аффективного сопровождения языковой когниции, от силы породившего ее эмоционального переживания. Согласимся, что от нахлынувших чувств, волнующих душу ощущений, связанных с эпохальными переменами в жизни трудно удовлетвориться «сухим» словосочетанием *решающий момент*. Поэтому, надо полагать, Стефан Цвейг выразил свое ощущение мгновения, определяющего, судьбу грядущих поколений, крылатым ныне сочетанием *звездный час*. В предисловии к сборнику исторических новелл «Звездные часы человечества» он сам определил порождающие это словосочетание факторы. В качестве когнитивной предпосылки возникновения крылатой фразы могут служить следующие ощущения автора: «...Каждый шаг эпохи требует подготовки, каждое подлинное событие созревает исподволь ... из миллионов впустую протекших часов только один становится подлинно историческим — *звездным часом* человечества ... если пробьет *звездный час*, он предопределяет грядущие годы и столетия» (С. Цвейг).

Следует особо подчеркнуть, что при всей несомненной важности языковой когниции для формирования национально-культурного компонента образного знака инициирующим стимулом вторичного семиозиса выступает все же аффективная энергетика, целый комплекс эмоциональных переживаний, которые охватывают большинство членов данного этнокультурного сообщества. «У большинства слов, – писал в этой связи Э. Сепир, – как вообще у всех элементов сознания, есть свой побочный чувственный тон, слабый, но отнюдь не менее реальный, а порою предательски могущественный отголосок удовольствия или страдания» (Сепир 1993: 55). Формирование знаков косвенно-производной номинации, несомненно, — процесс интеллектуально-эмоциональный, в результате которого формируются обе стороны фраземознака: (а) *план содержания* (десигнант), в котором следует различать сигнификативный, денотативный и коннотативный аспекты, и (б) *план выражения*, то есть акустический образ ФЕ.

Денотативные семемы фразеологического значения содержат отражённые в нашем сознании эмпирически познаваемые свойства и признаки находящихся в данном дискурсивном поле номинируемых предметов и явлений. Природа и сущность денотативного компонента в значении языковой единицы понимается неоднозначно. По мнению И.А. Стернина, денотат в своей основе является понятием (Стернин, 1985: 48).

Ход мысли автора можно понять: действительно денотат, в отличие от референта, представляет не единичный объект (референт), а целый класс однородных предметов (Алефиренко Н.Ф., 2005: 152). Сложнейший «денотативный клубок» ФЕ распутывает Н.Н. Кириллова с помощью понятия двойной денотации. Проявляется она в сосуществовании в структуре фразеологического значения двух денотатов: денотат-1 лежит в сфере предметных отношений реального мира, отражая фрагмент действительности, названный компонентами ФЕ, а денотат-2 находится в сфере психических феноменов (Кириллова 2003: 88). Поскольку собственно фразеологическим является денотат-2, то денотат фразеологического значения – это, скорее, обобщенный, дискурсивно обусловленный образ предмета номинации, тогда как понятие, с его дифференциальными и наиболее существенными признаками именуемого представляет сигнификат значения ФЕ. Онтологическая близость денотата и сигнификата позволяет им вместе с коннотациями формировать многоаспектный десигнат, или план содержания ФЕ.

Фразеологическая коннотация – это тот аспект плана содержания ФЕ, в котором сосредоточены эмотивные, ассоциативно-образные и стилистические семы, отражающие не столько сами признаки обозначаемых объектов, сколько дискурсивно обусловленное отношение говорящего к обозначаемому. В отличие от лексической коннотации, которая обычно выступает фоновым со-значением, сопровождающим денотативно-сигнификативную составляющую, фразеологическая коннотация нередко играет доминирующую роль в представлении плана содержания ФЕ. Особенно она важна для понимания смысла ФЕ в конкретном фрагменте дискурса.

Если под фразеологическим значением обычно понимают объективно сложившуюся систему связей, одинаковую для всех носителей языка, то под фразеологическим смыслом – индивидуальное значение фраземы, выхваченное из этой устоявшейся системы связей (Алефиренко Н.Ф., 2005: 69). Вместо объективно существующих, в дискурсе план содержания ФЕ представлен главным образом теми связями, которые имеют отношение к данной (конкретной) ситуации. Поэтому фразеологический смысл – результат привнесения в ФЕ коннотаций, соответствующих конкретному ощущению, восприятию и пониманию обозначаемой дискурсивной ситуации.

Одна и та же ФЕ имеет как бы два значения. Первое формируется в этноязыковом сознании исторически; второе *потенциально* сохраняется (возможно, в разном объеме и ракурсе), отражая с различной дискурсивной полнотой и глубинно «возможные миры». Наряду с фразеологическим значением каждая фразема приобретает смысл, актуализирующий в этом значении те стороны, которые связаны с данным дискурсом и аффективным отношением к ней человека: *Ещё вчера утром я бы с восторгом воспринял этот Витькин отказ. Но сегодня нет! Я уже*

*вступил на тропу войны с идиотизмом жизни и смысвать боевую раскраску не намерен. Я успокоюсь, только **заполучив в руки** кровоточащий скальп этой подлой людской несправедливости! Я успокоюсь только тогда, когда вся эта литературная сволочь будет лебезить и заискивать перед простодушным чальщиком, которого я снарядил в гениш!* (Поляков Ю. Козлёнок в молоке). В данном дискурсе: *вступать на тропу войны* – ‘решительно бороться с жизненными неурядицами’ (Д2). Ср.: «Хизбалла *вступила на тропу войны*». Неназванный высокопоставленный военный заявил, в интервью радиостанции «Галей ЦАХАЛ», что Хизбалла настроена на противостояние с Израилем в самое ближайшее время (*вступать на тропу войны* – вступать в открытое вооруженное противостояние (Д1); *заполучить* – ‘приобрести’ (Д1) и *заполучить в руки* – ‘получить возможность расправиться с кем-, чем-л.’ (Д2).

Однако понятие смысла ФЕ, как нам представляется, не может быть сведено к различию потенциального (денотативного) и актуального (коннотативного) значений. Как показывает анализ, дискурсивный смысл ФЕ возникает в процессе речемыслительной деятельности в конкретный отрезок времени и в конкретной дискурсивной ситуации: различные типы контекстов и дискурсивная ситуация – условия обнаружения нужного смысла фраземы. ФЕ, оказавшись в «ассоциативно-семантической сети» соответствующего дискурса обогащается особыми экспрессивно-смысловыми свойствами. Превращение беспристрастного знака в экспрессивно-образный и сотворение в процессе такой метаморфозы индивидуального смысла фраземы осуществляется благодаря чувственному *переживанию* представляемого фраземой о б р а з а денотативной ситуации. Чувственная ткань образа, по теории Ф.Е. Василюка (1984), – это многомерная субстанция. Чтобы понять и описать её, создается соответствующая *модель фразеологического образа*, согласно которой (1) внешний мир являет предметное содержание, (2) внутренний мир – личностный смысл, (3) культура – значение, (4) а язык – фразему. Вместе все эти составляющие (синергетические «узлы») задают объём, в котором пульсирует и переливается живой образ языкового сознания.

Итак, дискурсивно-когнитивный подход к вторичной номинации возможен лишь при расширенном понимании самого дискурса (текст, прагматика и социально-культурные факторы). Оставаясь явлением коммуникативным, дискурс в конечном итоге ориентирован на тексто- и смыслопорождение с участием самых разных экстралингвистических факторов, таких, как знания об окружающей действительности, или пресуппозиции, мнения, ценностно-смысловая ориентация, интенции и общественно значимые переживания. Всё это позволяет нам рассматривать дискурс как базу порождения вторичных лингвосомиотических средств речемышления. Названные выше конститuentы дискурса должны учитываться при смысловом восприятии знаков вторичной номинации, поскольку они во многом определяют стратегии вторичного

знакообразования и знакоупотребления как в коммуникативном, так и в когнитивном аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

Алефиренко, Н. Ф. Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. М.: «Гнозис», 2005.

Василюк В. Е. Психология переживания / В. Е. Василюк. М., 1984.

Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникации / Т. А. ван Дейк. М., 1989.

Кириллова, Н. Н. Фразеология романских языков: этнолингвистический аспект. Ч. I: Монография / Н. Н. Кириллова. СПб., 2003. - 319 с.

Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. М.: Прогресс, 1993. - 656 с.

Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. Воронеж, 1985. - 170 с.

К ПРОБЛЕМЕ СИНОНИМИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАЗЕОТЕМАТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «MAISON»)

М. П. Андреева

Взаимодействие двух тенденций – стремление к постоянству грамматического, лексического, синтаксического, фонетического состава и к его варьированию – составляет основу развития и функционирования фразеологических единиц (ФЕ). Об этом свидетельствуют, с одной стороны, образование в языке новых вариантов одного и того же фразеологизма, а с другой стороны, семантическое развитие данных вариантов, в результате которого последние обнаруживают потенцию к образованию «своего» значения. Это способствует преобразованию фразеологических вариантов в синонимы.

Предметом рассмотрения в данной статье является лексическая вариативность фразеологизмов. Если понимать под данным термином изменения в лексическом составе, которые не приводят к нарушению синтаксической конструкции выражения, а также не вносят дополнительные смысловые оттенки в его значение (Жуков, 1986: 168), то во многих случаях единицы, которым во фразеологических словарях присвоен статус вариантов, следует рассматривать как промежуточное звено между явлениями вариативности и синонимии. Для обозначения данных единиц существуют такие термины как «синонимические варианты», «варианты-синонимы», «дублетные фразеологизмы», мы оперируем первым из них.

Материалом нашего лингвистического анализа послужила выборка из 772 французских фразеологизмов тематического поля «Maison», то есть